

**Читайте книги
Эры Ершовой:**

В глубине души
Самая простая вещь на свете
Клавино счастье

ЭРА ЕРШОВА

КЛАВИНО СЧАСТЬЕ

УДК 82-312.9
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Е80

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберимум»

Миссия «Флобериума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Ершова, Э.

Е80 Клавино счастье / Ершова Э. — М.: Флоберимум / RUGRAM,
2021. — 264 с.

«Странная это была жизнь. Она протекала словно в двух измерениях. В одном пребывал Николай Константинович и его семья. Жизнь здесь шла к концу, не было в ней больше ничего волнующего и интересного. В это унылое однообразие, как ведьма на метле, ворвалась молодость со своей упругой, наглой красотой. Вика разворошила его жизнь, как залежалый пепел в печке, и развела жаркий огонь, на котором все его благополучие вспыхнуло, как жалкая кучка соломы. Она схватила его и увлекла за собой в то другое измерение, где никогда не бывает покоя, где все кружится и вибрирует в веселом, сумасшедшем ритме. И кажется, что возврата к прошлому быть не может».

В каждом рассказе Эры Ершовой, вошедшем в эту книгу, происходит событие, которое разбивает жизнь на части. Но только ли в событии дело? Или в умении жить? А может, в логике ее течения?

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90868-4

© Эра Ершова, текст, 2021
© А.Д. Силивончик,
иллюстрация на обложке 2021
© ООО «Флоберимум», 2021

*Посвящается моей любимой сестре —
Ольге Михайловне Мальцевой*

Жизнь — композиция Германа Циммерле

Розвита сидела на террасе своего дома в кресле-качалке и слушала тишину. У ее ног, перегородив узкими телами все небольшое пространство, лежали две русские борзые — Дашка и Машка, они спали. В клетке вел свое беспокойное существование древний попугай Фриц. Невзирая на преклонный возраст, попугай все еще сохранял нагловатую осанку и время от времени поднимал на голове ребристый гребешок. Раньше, когда дом был вечно полон гостей, Фриц выполнял роль блюстителя порядка. До часу ночи он терпеливо сносил гомон, смех, дым табака, а ровно в час орал громким голосом: «Пошли все к чертовой матери, надоели!» И гости начинали послушно собираться. Со смертью Германа дом опустел, и попугай замолчал, как будто дал обет молчания на смерть любимого хозяина. Розвита отпила из бокала немного красного вина, взяла со стола деревянную шкатулку, открыла. В зеленых бархатных лунках лежали драгоценные гавайские сигары. Раньше Розвита никогда не курила, она обратилась к этой привычке после смерти мужа — посредством сигар, которые на протяжении всей жизни Германа являлись его неотъемлемой частью, она словно вступала с ним в без-

звучный диалог. Розвита взяла сигару, откусила кончик специальной машинкой, закурила. Погода стояла тихая и безветренная, и густой дым белым столбиком устремился вертикально вверх — туда, в неведомое темное пространство, где сначала безвременно исчезла ее шестнадцатилетняя дочь, а потом, шесть лет спустя, муж, которого она так любила. Попугай защелкал носом, издавая звук, похожий на детскую трещотку. Он тоже тосковал, и старые собаки приоткрыли глаза и дружно вздохнули. Розвита качнула кресло-качалку и стриженная голова пихты, и луна, и небо — все стало покачиваться вместе с ней, и дым сигары выписывал на темном фоне причудливые узоры, и Розвита подумала, что мира, в котором она живет, по сути дела уже не существует. Все, все это: и попугай, и собаки, и эта терраса с лунной — всего лишь фрагмент из ее прошлой жизни, которой больше нет. А чтобы жить, нужно двигаться дальше, и поэтому в комнатах, подготовленные к завтрашнему переезду, стояли убористо упакованные вещи. Розвита покидала средневековый немецкий городок с колючим названием Маркрёнинген навсегда. Старинный дом шестнадцатого века, где она провела последние тридцать лет жизни, был продан и переходил со всеми населявшими его духами к новому владельцу, а Розвита держала путь в сторону Ла Пальмы, где высоко в горах обосновалась община художников. Там, глядя с головокружительной высоты на океан, она собиралась провести остаток жизни. Животных она, конечно же, возьмет с собой.

Этот мир художников, это прекрасное братство людей, говорящих на одном языке, ей подарил Герман. Он многое ей подарил: любовь, ребенка, друзей, искусство, чтобы потом все это забрать — и любовь,

и ребенка, и друзей; осталось одно искусство, и этот неоценимый подарок Розвита забирала с собой в новую жизнь.

Герман был скульптором. Настоящим скульптором. Не из тех скороспелых, что наплодились в последнее время и не могут ничего. Он был художником большого формата, а в большой формат, как известно, умещается намного больше противоречий, ошибок и страстей, чем в аккуратную маленькую мещанскую формочку человеческой личности. Этот масштаб, этот орлиный разворот крыльев его души и покорили Розвиту тридцать лет назад.

В свои тридцать два года Розвита не была красавицей, и миловидной она тоже не была. Можно сказать, она была прямой противоположностью тому, что принято называть миловидным. У нее была крепкая спортивная фигура, ладная, но лишенная женственной прелести, и лицо грубоватое, с большим носом, близко посаженными глазами и слишком крупными зубами, которые открывались все до единого всякий раз, когда она улыбалась. Наверное, дело было в этой распахнутой навстречу каждому улыбке, потому что ничем другим невозможно было объяснить поведение мужчин, которые так и льнули к этой в принципе некрасивой женщине. Розвита была поваром и в Маркрёнингене владела небольшой Кнеipe¹, где по вечерам собиралось местное общество. Здесь Розвита чувствовала себя в своей стихии. Она разливала пиво, отдавала указания на кухне, громко хохотала вместе с подвыпившими гостями и изо дня в день отказывала подступавшим с предло-

¹ Кабачок (нем.)

жением руки и сердца кавалерам. Мужчин в свой мир она пускать не хотела. Если в жизни Розвиты и случались романы, то продолжались они ровно до тех пор, пока любовник не начинал заявлять о своих правах. Ее свободолюбивая натура не терпела никакой формы неволи, а у мужчин по-другому не получалось, они всегда пытались завладеть всем безраздельно. Все эти законы, по которым складывалась жизнь Розвиты, действовали так долго, пока однажды в Кнеіре не запахло сигарами. Это был непривычный аромат для сельского ресторанчика. Розвита услышала его с кухни и, как гончая, пошла на этот запах, почуяв след судьбы. Уже когда Розвита подошла к столику, чтобы принять заказ у неизвестного гостя, она совершенно преобразилась. За столом сидел человек, не похожий ни на одного виденного ею прежде. Лицом он походил на доброго сказочника, в уголках глаз притаилось великое знание чего-то такого, о чем весь остальной мир имеет только смутное представление. Он сидел, положив локти на стол, и вся его фигура, облаченная в какие-то небрежные и в то же время необыкновенно интересные предметы туалета, являлась прямым контрастом ко всему обычному, будничному. На нем была кожаная куртка времен Второй мировой войны, вся потертая, потрескавшаяся от старости, под курткой рубаша — не рубашка с жестким воротничком, под который так и просится галстук, а рубаша, широкая, легкая, не ограничивающая свободу движений. Из открытого ворота выглядывал пестрый платок, повязанный прямо на голую шею. Розвита застыла с блокнотом в руках. Незнакомец откинулся на спинку стула, вставил в рот толстую сигару и, набрав полный рот